

© 1997 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТРОЯ И ЕЕ СОКРОВИЩА»

(ГМИИ им. А.С. Пушкина, 25–28 ноября 1996 г.)

Международная научная конференция, приуроченная к выставке «Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана» собрала ученых-искусствоведов, археологов, антиковедов, филологов и специалистов в области естественнонаучных методов исследования древних изделий из металла и камня из Бельгии, Германии, Греции, Канады, России, США и Украины. В ходе трехдневных заседаний были заслушаны 25 докладов, сгруппированных по следующим темам: Генрих Шлиман: новые данные; Гомер, троянский миф и ритуал; клады из Трояды: хронология, исторический и культурный контекст; естественнонаучные методы в изучении металла Трои; Трояда и сопредельные области в эпоху раннебронзового века. Некоторые доклады вызвали оживленную дискуссию.

Со вступительным словом и приветствием к участникам конференции выступила *И.А. Антонова*.

Заседание, посвященное Г. Шлиману, было открыто докладом писателя, члена Шлимановского общества, *И.А. Богданова* (С.-Петербург), посвященным петербургскому периоду жизни Шлимана. Основой его сообщения послужила «русская часть» архива Шлимана, который хранится в библиотеке Геннадия (Афины), – 34 460 документов, относящихся к 1846–1864 гг. Автор приводит не опубликованные ранее письма, обнаруживающие не только выдающиеся лингвистические способности Шлимана, но и его стремление трудиться, не покладая рук, во имя цели, которую он себе поставил.

Э. Бледов (Оттава) попытался продемонстрировать возможности получения новой информации из дневника Шлимана для анализа проблемы аутентичности и целостности так называемого «Клада Приама». В результате он пришел к выводу о неприемлемости тезиса о фальсификации клада Шлиманом, отстаиваемого рядом исследователей.

А. Йене (Берлин) остановился на контактах Шлимана с А.А. Половцовым (1876 г. – сенатор, 1883 г. – госсекретарь), принимавшим участие в судьбе сына Шлимана, Сергея, и проявлявшим живой интерес к научной работе Шлимана. По просьбе Половцова Шлиман дважды дарил археологические коллекции из раскопок Трои для находящегося в Петербурге музея при Центральном училище технического рисования и ваяния барона Штиглица. Докладчик прослеживает путь троянских древностей в Россию.

Заседание, посвященное Гомеру, троянскому мифу и ритуалу, было открыто докладом *Т.В. Цивьян* (Москва) «В начале был пастух...». Был представлен анализ сюжета о пастушестве в рассказе о Парисе, который слабо отражен в «Илиаде». Обращаясь к образу Париса *sub specie* мифологии пастушества, докладчик именно в причастности к этому роду занятий видит печать его избранности и прослеживает отчетливую пастушескую ипостась в иконографии «Суда Париса».

Н.Н. Казанский (С.-Петербург) посвятил свой доклад проблеме «перемещения божества», т.е. увоза, похищения, дарения статуи божества или оберега в контексте троянского мифа. Эти эпизоды, как показал докладчик, возможно, отражают исторические события. В этом контексте был исследован отрывок из поэмы, посвященной Илиону, найденный в 1978 г. К. Воткинзом (Кво IV 11. 46. 6). Мифологическая интерпретация дошедшей строки «Когда они пришли из высокой Вилусы» очевидна – «приход» в культовой песне равнозначен основанию культа. Культовое лувийское предание, по мнению докладчика, отчетливо указывает на

перемещение из Илиона в Истануву божества, сохраняющего в своем имени эгейские черты. Таким образом, можно думать о древности идеи перемещения божества, например похищения Паллады.

Л.С. Клейн (С.-Петербург) проанализировал несовпадения в границах царств, известных по описаниям в «Каталоге кораблей». По его мнению, они зачастую совмещаются друг с другом, а порой и совпадают по территории, что, вероятно, свидетельствует о одновременности включения данных о них в текст «Илиады», а сам Каталог, как полагает докладчик, выступает как искусственная конструкция. По мнению Л.С. Клейна, исходным ядром легенды об ахейском походе на Илион был поход флотилии Пенфила, потомка Агамемнона, которая, по Страбону, намного позднее ахейского времени отплыла из Авлиды на восток, чтобы основать колонии в Малой Азии.

Л.Т. Тарушвили (Москва) посвятил свой доклад морали и тектонике в «Илиаде», обратившись к различиям в нравственно-психологической интерпретации образов троянцев и ахейцев, а также в их визуально-тектонических характеристиках. Статуарный идеал античности, нашедший в «Илиаде» свое первое великое отражение, послужил прояснению лежащей в основе поэмы художественно-образной антитезы *троянцы–ахейцы*.

Л.И. Акимова (Москва) и *А.Г. Кифишин* (Москва) рассмотрели назначение троянских диадем и пришли к выводу, что две троянские диадемы могли быть ритуальными вещами царского культа. Изначально предназначенные для «жертвы» царя, они впоследствии перешли и к царице. Троянские диадемы, как полагают докладчики, могли предназначаться для царской четы, которая одновременно исполняла функции жречества. Большая диадема с ее четным числом подвесок в контексте позднейшей греческой семантики могла быть женской, тогда как малая, с нечетным числом, – мужской.

Одно из заседаний конференции было посвящено кладам из Трояды. Выступления *В.П. Толстикова* (Москва) и *М.Ю. Трейстера* (Москва) касались коллекции, хранящейся в настоящее время в ГМИИ им. А.С. Пушкина. Если в первом сообщении был сделан акцент на послевоенной истории коллекции, ее хранении и научной обработке в процессе подготовки выставки и каталога, то в сообщении М.Ю. Трейстера речь шла главным образом о проблеме абсолютной датировки троянских кладов. На основании ряда наблюдений о взаимовстречаемости памятников из разных кладов и анализа деталей сосуника и антропоморфного сосуда из клада А в сравнении с одним из классов сосудов из царского некрополя Ура докладчик приходит к выводу о возможности синхронизировать большинство троянских кладов с Раннединастическим IIIa периодом.

К. Демакопулу (Афины) дала общую характеристику троянской коллекции, хранящейся в Афинах, в основном представленной памятниками, относящимися к периодам Троя II–V, в том числе включающей ряд ювелирных изделий из кладов, переданных в музей в Афинах Софией Шлиман в 1892 г. *П. Бетанкур* (Филадельфия) представил коллекцию, приобретенную в 1966 г. музеем Университета Пенсильвании, включающую 24 золотых ювелирных изделия, настолько близких находкам Шлимана, что они могли быть изготовлены в той же или в другой, но непосредственно связанной с нею мастерской в Трояде в середине III тыс. до н.э. Предметы исследовались как стилистически, так и с помощью РХЕ, техники неразрушающего анализа, позволившей прийти к выводу о наличии довольно совершенной техники пайки золота в эпоху раннего бронзового века.

Доклады *Р. Лаффинера* (Льеж) и *Ю.Ю. Пиотровского* (С.-Петербург) позволили получить представление о троянских ювелирных изделиях в широком географическом и хронологическом контексте. Ю.Ю. Пиотровский продемонстрировал многочисленные золотые украшения эпохи энеолита – ранней бронзы из Циркумпонтийской зоны, остановившись подробно на изделиях из Варненского некрополя, курганов Майкопа, у ст. Новосвободной и других уникальных памятников Кавказа, обратив внимание на параллели бус в виде шайб с находками в кладах А. Р. Лаффинер сконцентрировал свое внимание на аналогиях троянским украшениям в Месопотамии и Эгейском бассейне и пришел к выводу о существовании в эпоху раннего бронзового века единого культурного ареала, в рамках которого осуществлялись разнонаправленные культурные и технологические влияния и заимствования.

Доклады *Н.М. Никулиной* (Москва), а также *Д. Сайнса* (Лос-Анджелес) и *Н.И. Шишлиной* (Москва) были посвящены последнему из кладов, найденных Шлиманом, а именно: кладу L. В докладах прозвучала мысль о необходимости отнести клад к середине II тыс. до н.э., что Н.М. Никулина обосновывала высоким уровнем исполнения топоров, найденных в кладах, в контексте наблюдений о генезисе камнерезного ремесла, а Н.И. Шишлина – сопоставлениями этих топоров с находками из Бородинского клада. Д. Сайнс представил интересные наблюдения

о линзах из кристаллического кварца, найденных в том же кладе; по его мнению, они могли использоваться и как увеличительные, и как зажигательные стекла. Линзы заслуживают специального оптического исследования, которое, возможно, позволит ответить на вопрос о датировке клада, ведь на сегодняшний день известно, что кристаллический кварц обрабатывался в Египте еще в XXVI в. до н.э.

Блок докладов, посвященных результатам естественнонаучного исследования троянского металла, был открыт выступлением *Е.Н. Черных* (Москва) и *Л.И. Авиловой* (Москва), в котором металлические изделия из Трои рассматривались в контексте Циркумпонтийской металлургической зоны. Докладчики подчеркнули необычайно высокий процент изделий из золота, найденных в Трое, и попытались найти объяснение этому феномену. Касаясь интерпретации троянских кладов, *Е.Н. Черных* и *Л.И. Авилова* высказались в пользу того, что клады являются инвентарем богатых погребений.

Н. Гейл (Оксфорд) представил результаты исследований металла более чем 3000 изделий эпохи ранней бронзы из Восточного Средиземноморья. Картина, которая вырисовывается в результате этого исследования, свидетельствует о том, что в большинстве регионов, т.е. Эгейском бассейне, на Кипре, в Болгарии и Анатолии, как правило, использовались местные источники металлов. Между тем по троянским материалам можно выделить высокую пропорцию оловянистых бронз в соотношении с изотопами свинца, что до сих пор неизвестно ни в Греции, ни на Кипре, ни в Болгарии, ни в Турции. *Н. Гейл* не исключает, что эти минералы могут происходить с Кавказа или из более восточных областей. Указанные результаты, как считает докладчик, показывают, что Троя являлась центральным пунктом распространения металлов с востока в Эгейский бассейн, а возможно, также из Эгейского бассейна на восток.

Коллективный доклад *Э. Пернички*, *Ф. Бегеманна* и *З.Х. Шмитт-Штрекер* (Гейдельберг и Майнц) был посвящен месту Трои в развитии металлургии на севере Эгейского бассейна. Центральное место в нем занял анализ феномена внезапного использования оловянистых бронз в Трое, Полиохни на Лемносе и Терми на Лесбосе, основанного на привозном металле. Докладчики предположили, что ок. 2500 г. до н.э. население северо-востока Эгейского бассейна приобрело новый статус, скорее всего связанный с географическим положением, а именно – с контролем за входом в Черное море, когда все большее значение приобретало мореплавание.

Б. Армбрустер (Шлезвиг) остановилась на исследовательских методах оценки технологического аспекта доисторической обработки золота. Обозначенные ею подходы (распознавание и интерпретация следов изготовления и использования посредством макро- и микроскопического исследования; археометрия, естественнонаучные исследования: анализы металла, металлография, исследования растровым электронным микроскопом, рентген; типологические и культурно-исторические исследования) следует, по мнению докладчика, применять и при междисциплинарном изучении находок из драгоценных металлов, происходящих из Трои.

Заключительное заседание конференции открылось докладом *М. Меллинка* (Филадельфия) о месте Трои в контексте раннебронзового века Анатолии. Исследовательница остановилась на характеристике памятников эпохи «Троя I–II» в Северо-Западной Анатолии (некрополи Йортан в области Балекифир–Киркагач, поселения к западу от Эскишехира недалеко от Демирчиуюк), в Эгейском регионе (Терми, Полиохни, Канлигечит в районе Киркпинар), в Юго-Западной (Афродисий, Караташ-Элмали) и Юго-Восточной (Тарс) Анатолии. В заключение *М. Меллинка* обратилась к проблеме троянских кладов, спрятанных в потайных местах в толще сырцово-деревянных кладок и, реже, под полами, а также к вопросу о некрополе Трои II, который до сих пор не известен.

Н.Я. Мерперт (Москва) посвятил свой доклад вопросам культурного взаимодействия в Балкано-анатолийском регионе в III тыс. до н.э., придя к выводу, что пик взаимодействий приходится на эпоху ранней бронзы. Докладчик особо остановился на катаклизмах, происходивших на Балканах при переходе от энеолита к раннему бронзовому веку, наглядно проиллюстрировав положения доклада материалами исследований Российско-болгарской экспедиции в Болгарию.

В своих выступлениях *Б.Д. Михайлова* (Мелитополь) и *Ю.А. Шилов* (Киев) связывали троянскую проблематику с Северным Причерноморьем. Продемонстрированные *Б.Д. Михайловым* петроглифы Каменной Могилы обнаруживают, по мнению докладчика, некоторые связи как с памятниками Переднего Востока, так и с «Илиадой», а Каменная Могила была ведущим религиозным центром северо-восточной части так называемой Циркумпонтийской зоны. Вывод о «главенствующей роли» Каменной Могилы «в идеологическом воздействии на народы древнего Востока и Запада» и «определенных связях с Малой Азией (Троя II)», к которому приходит *Б.Д. Михайлов*, представляется нам необоснованным. *Ю.А. Шилов*

предпринял попытку «приоткрыть неизведанные глубины истории» и охарактеризовать предысторию греческой колонизации Северного Причерноморья. Связав ее с историей Трояды, докладчик наметил основные линии развития индоевропейской языковой общности, особо остановившись на интерпретации погребений ингильской культуры у с. Каиры, материалы которых имеют «довольно близкие соответствия в догомеровских слоях Трои».

Итоги конференции были подведены в выступлении *Н.Я. Мерперта*, подчеркнувшего исключительную важность предпринятой музеем публикации «Каталога троянских кладов».

М.Ю. Трейстер

© 1997 г.

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКЕ

Ханья (о. Крит, Греция), 6–13 апреля 1997 г.

С 6 по 13 апреля 1997 г. в г. Ханья (о. Крит, Греция) проходил очередной V Международный симпозиум по изучению эллинистической керамики.

Эти конференции проводятся один раз в три года, обязательно в Греции. Идея организации подобного рода встреч, специально посвященных исследованию эллинистической керамики, принадлежит группе греческих археологов из ведущих музеев и университетов страны. Главная задача – тщательное изучение эллинистической керамики и всего, что с ней связано, со всей территории античного мира, получение и обмен подробной информацией о том, что делается в этой области в каждом регионе. В последнее время рядом ведущих специалистов (С. Ротроф и др.) была пересмотрена хронология многих ставших уже классическими комплексов, например на афинской агоре. В связи с этим неизбежно меняются датировки посуды, основанные на предшествующих хронологических шкалах. Поток материалов из различных регионов античного мира огромен, объять все стало просто невозможно. В этих условиях трудно переоценить роль подобного симпозиума, во многом служащего своего рода координирующим центром исследований эллинистической керамики.

К открытию симпозиума специально была издана книга, посвященная эллинистической керамике на Крите¹, а также материалы предыдущего симпозиума в г. Митилена. Были также опубликованы программа и краткие тезисы докладов (более 50), представленных на симпозиум².

В публикуемом обзоре дается лишь достаточно краткая информация о них.

Секции на симпозиуме были организованы по географическому принципу – эллинистическая керамика Крита, Киклад – Лемноса – Малой Азии, и т.д. Большинство сообщений представляли новые материалы из различных регионов античного мира.

Самая представительная группа докладов (К. Дзанаками, С. Маркулаки, Я. Френсис и др.) была посвящена эллинистической керамике Крита, а также Пелопоннеса (В. Андерсон-Стойнович, Е. Колиа, Я. Раутополу, Р. Проскунетополу и др.), Книда (У. Мандел, П. Кеглер), Кипра (И. Николау, Папутсе-Владика и др.) из Малой Азии (Л. Зороглу), Египта (К. Мышлевик, А. Полудникевич и др.) и других регионов античного мира. «Мегарские чаши» и формы для их изготовления были темой докладов (Г. Хюбнера, В. Битраковой-Грождановой, В. Соколовской, П. Пуппо и др.). Доклад *С. Ротроф* касался изучения комплексов керамики с афинской агоры времени разгрома города Суллой. Проблемы хронологии различных групп сосудов затрагивались в докладах *Г. Хюбнер*, *О. Озюгит* и др. *Б. Барр-Шарар* рассказала о связи рельефных металлических и керамических сосудов.

¹ Традиция публикации таких прекрасно иллюстрированных изданий существовала и на предшествующих симпозиумах – см., например, материалы двух последних встреч – в Салониках и Митилене (на греческом и английском языках).

² *Επιστημονική συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική. Προβλήματα χρονολόγησης – Κλειστά σύνολα – εργατήρια. Χαγιά, 6–13 απριλίου 1997.*